

Наталья Петровна НОСОВА¹

УДК 94 (470+570) „1920“

**ГОСУДАРСТВО И КРЕСТЬЯНСТВО СОВЕТСКОЙ РОССИИ.
ПОИСК МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
(АНАЛИЗ ДИСКУССИЙ 1920-Х ГОДОВ)**

¹ доктор исторических наук, профессор
кафедры государственного и муниципального управления,
Тюменский государственный университет
nosova-np@mail.ru

Аннотация

Анализируемый в статье материал позволяет показать, что после взятия большевиками государственной власти формирование принципов государственного управления сельским хозяйством проходило в сложной напряженной обстановке разрушения старой экономической системы и создания хозяйственного механизма, соответствовавшего политической модели нового строя. Постепенно на основе принципов, которые нащупывались в ходе практической реализации идеи создания новой экономики, формировалась политика, которая часто вступала в конфликт с реальной экономикой. Этот поиск был сложным и болезненным.

В статье проанализирован широчайший диапазон теоретических дискуссий 1920-х годов: о роли рынка и товарно-денежных отношений в экономике социализма, об эволюции крестьянского хозяйства, источниках накопления, темпах экономического роста и др. Показано, что в рамках каждой дискуссии существовала возможность мнений от откровенно враждебных правящему режиму, до ортодоксально большевистских. К концу рассматриваемого периода позиции ученых, не вписывающиеся в ортодоксальный марксизм, приходят в противоречие с господствующей идеологией, когда мировоззрение (научное, политическое) того или иного специалиста отождествлялось с предметом его профессиональной деятельности.

Цитирование: Носова Н. П. Государство и крестьянство Советской России. Поиск модели взаимодействия (анализ дискуссий 1920-х годов) / Н. П. Носова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Том 2. № 3. С. 165-181.

DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-3-165-181

Экономические дискуссии 1920-х годов показали ряд возможных вариантов развития. Однако наиболее предпочтительным оказался путь усиления контроля государства во всех сферах жизни общества, особенно в среде «мелкобуржуазного крестьянства», постоянно создававшего угрозу власти. Этот вариант развития не появился как окончательное и бесповоротное решение. Не смотря на «режим наибольшего благоприятствования» со стороны правящей партии, он долго пробивал себе дорогу в поворотах и отступлениях экономической политики, в спорах и дискуссиях. Но именно здесь, как показало исследование, и наметился тот поворотный рубеж нэпа, когда складываются необратимые механизмы административно-командной системы, которая к концу 1920-х годов оформляется в отлаженную систему тоталитаризма.

Ключевые слова

Государственное регулирование, экономика сельского хозяйства, эволюция крестьянского хозяйства, новая экономическая политика, теоретические дискуссии, русская экономическая мысль, административно-командная система.

DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-3-165-181

Особенность наших дней заключается не только в том, что открывается возможность отказаться от предвзятых оценок людей и событий, но и, прежде всего, в том, что проблемы, обсуждавшиеся в 1920-х гг., вновь становятся актуальными. Поэтому богатейшее наследие, которое содержится в экономической мысли того периода, должно вводиться в научный оборот и помогать решению задач, стоящих сегодня.

В современной отечественной литературе происходит переоценка существовавших ранее позиций [9]. Серьезный вклад в изучение поставленной проблемы внесли зарубежные исследователи. За рубежом уже давно уделяется большое внимание теоретическому наследию наших ученых-аграрников — особенно велик интерес к А. В. Чаянову и организационно-производственному направлению русской экономической мысли [25]. Из политических лидеров, имеющих непосредственное отношение к проблеме, большой популярностью среди исследователей пользуется Н. И. Бухарин, изучается его теоретическое и политическое наследие [7: 15-24].

Не смотря на достигнутые определенные успехи, опыт отечественной экономической науки, а также науки управления 1920-х гг. по существу не изучен. В ходе переосмысления этой проблемы важно вернуть борьбу идей и научную дискуссию к их исходным посылкам начиная с первых лет Советской власти, когда не было еще уклонистов и оппортунистов, когда не появилась еще та генеральная линия, которая будет названа единственно научной. Вне такого подхода не будет полным, как думается, наше представление об экономических процессах и идейном противоборстве в изучаемый период, когда зарождались проблемы, многие из которых стоят перед нами сегодня.

Нигде в мире в начале XX в. не появилось столько литературы по аграрному вопросу, сколько в России. В России, вероятно, вслед за промышленным переворотом зрел переворот аграрный, но не как применение машин и новейших

технологий, а в плане разработки технологий организации хозяйства, развития в целом аграрной мысли [11]. К этому времени относится складывание организационно-производственного направления русской экономической мысли.

Существенные результаты в развитии аграрной теории России имели научные исследования двух молодых еще к тому времени ученых А. В. Чаянова и Н. Д. Кондратьева. В 20-е гг. вокруг этих имен создаются научные школы, разработавшие теоретические положения, и по сей день остающиеся в центре научных изысканий и обсуждений.

Теория трудового крестьянского хозяйства А. В. Чаянова со временем легла в основу организационно-производственного направления русской экономической мысли. Ядром этой теории являлась идея о самобытности и устойчивости трудового крестьянского хозяйства, которое регулировалось собственными внутренними законами, в чьей основе лежало семейное начало. Чаянов исходил из того, что, работая на своей земле и не эксплуатируя чужого труда, крестьянин оказывался в таком положении, когда категории заработной платы, прибавочной стоимости и рентных отношений как бы размывались, и классическая политэкономия уже не могла дать традиционных ответов на новые, не рассматриваемые ею обстоятельства и ситуации. Поэтому, считал А. В. Чаянов, для анализа крестьянского хозяйства нужен особый метод, особые категории, отличные от классической политической экономии. Он отрицал развитие капитализма в сельском хозяйстве. Крестьянское хозяйство, был убежден Чаянов, по природе своей отлично от хозяйства, капиталистически организованного. Крестьянское хозяйство было, прежде всего, хозяйством семейным, весь строй которого определялся размером и составом хозяйствующей семьи, соотношением ее потребительских запросов и ее рабочих рук. По мнению Чаянова, природа крестьянского хозяйства в разных социальных системах не менялась [22].

Как и А. В. Чаянов, Н. Д. Кондратьев подчеркивал особую роль сельского хозяйства в экономике России. В основе его воззрений лежала концепция устойчивости мелкого крестьянского хозяйства. В 1917 г. он выделил три типа хозяйств: мелкое трудовое, крупное капиталистическое и крупное кооперативное или трудовое. Уже в первых своих работах Кондратьев делал вывод о большей устойчивости мелкого крестьянского хозяйства, но перспективу видел за крупным трудовым [5]. Здесь важно, что Кондратьев понимал под каждым типом хозяйства. Определяющими у него являлись не размеры хозяйства, как кажется на первый взгляд, а характер его организации. Капиталистическое по Кондратьеву — это прежде всего хозяйство, использующие наемный труд. Позднее, в 20-е гг. для характеристики капиталистического хозяйства он добавил еще один признак — связь с рынком.

Новая организация крестьянского хозяйства мыслилась А. В. Чаяновым и Н. Д. Кондратьевым вне ломки существовавшего политического строя.

Примерно в это же время в России складывалась экономическая мысль марксистского направления. Она представлена прежде всего работами Г. В. Плеханова, П. П. Маслова, В. И. Ленина, Н. И. Бухарина и др. Следует подчеркнуть,

что до Октябрьской революции вопрос об экономике социализма являлся лишь вопросом теории. Партия сосредоточилась почти исключительно на политической борьбе против царизма, а не на казавшихся тогда отдаленными проблемах социалистического устройства. Представлялось, что для решения экономических проблем достаточно будет поддержки мирового пролетариата [4: 144-147].

Конечно, такая позиция отвлекала от понимания необходимости разработки конкретной экономической программы. Уже в условиях победившей революции поиски в этом направлении сопровождались, как правило, острыми спорами и отсутствием согласия даже в принципах. Не случайно поэтому Н. И. Бухарин избрал центральной темой всего послеоктябрьского периода разработку теоретических проблем построения социализма в России. Выяснилось, как мало он, ведущий партийный теоретик, был готов к решению такой задачи. Для реализации поставленных целей требовались не только время и средства, но прежде всего кадры и знания. Возникла естественная и настоятельная необходимость использования знаний и опыта экономистов, уже сложившихся в начале XX в. экономических школ в России.

Однако многие из них не приняли Октябрьской революции, возражали против первых преобразований новой власти в экономике. Тем не менее, в течение 1918-1919 гг. происходит привлечение так называемых «буржуазных» экономистов к решению практических проблем. При этом важно подчеркнуть, что позиция Советской власти в этот период давала возможность свободного и открытого научного диспута.

В первые послевоенные годы «буржуазные» ученые занимали почти монопольное положение в системе высшей школы и в исследовательских центрах. Кроме того, ученые старой школы широко привлекались к практической деятельности в учреждениях Госплана и Госбанка, Наркомзема и Наркомата финансов.

Особенность ситуации была такова, что теоретические и научные вопросы тесно переплетались с политическими. Однако перешедшие на сторону Советской власти ученые пытались использовать свои научные теории в условиях новой действительности. Сторонники организационно-производственного направления отечественной экономической мысли искренне верили, что изменение политического строя не меняет их планов. Они по-прежнему разрабатывали программы внутренней организационной перестройки крестьянского хозяйства. Построение их теоретических концепций осложнялось разрухой народного хозяйства и несовпадением с аграрной политикой «военного коммунизма».

Основные споры вокруг определения путей социалистического строительства в начальный период существования Советской власти велись в рамках марксистской теории. Начиная с 1919 г., экономические дискуссии в партии сосредоточились на полемике с «демократическими централистами». Что касается Н. И. Бухарина, то он держался в стороне от оппозиции. В этот период теоретическая работа оставалась важной и значительной сферой его деятельности. В мае 1920 г., когда «военный коммунизм» достиг своего апогея, появилась «Экономика пере-

ходного периода» [3]. В основе книги лежит идея о том, что политика «военного коммунизма» — жизнеспособный путь к социализму. Особый интерес в контексте рассматриваемых проблем представляют замечания Бухарина по сельскому хозяйству. Следует подчеркнуть, что они не вылились в долгосрочную экономическую программу, это были именно замечания. Но тем они и интересны, что в них уже имеются первые интуитивные, может быть, подходы к тем экономическим концепциям, которые сложились позднее в 20-е гг.

Огромное значение сельскохозяйственной проблемы было для Н. И. Бухарина очевидно. Вопрос о необходимости равновесия между городом и деревней «является решающим для судьбы человечества, ибо это наиболее важный и наиболее сложный вопрос». Но предлагаемое решение вряд ли соответствовало его постановке, т. к. и здесь он указывает на ключевую роль принуждения, особенно в изъятии хлебных излишков. Примечательно, что Бухарин отрицает коллективные формы сельскохозяйственного производства как главный способ вовлечения крестьянства в «организованный процесс», доказывая, что для основной массы мелких производителей втягивание их в организованный аппарат возможно главным образом через сферу обращения [3]. Может быть, это и была его первая попытка сформулировать свою позднейшую теорию «врастания в социализм», правда, пока без существенной разработки вопроса.

Итак, Бухарин исключал не только коллективизацию, но и денежно-кредитные связи между городом и деревней. В 1920 г. он считал, что государственные органы распределения и заготовок будут основным посредником между промышленным городом и мелкокрестьянским сельским хозяйством [3: 85-87]. Но в таком случае, что могло побуждать крестьянина производить излишки и сбывать их? Предполагалось, что у крестьянина две души — капиталистическая и социалистическая. Очевидно, по мнению Бухарина, «социалистическая душа» и должна была сдавать излишки. Налицо полная теоретическая не разработанность вопроса. Практика же в конкретной исторической ситуации давала систему реквизиций.

Книга Н. И. Бухарина вызвала широкую дискуссию. Первые отзывы в печати принадлежали перу В. Сарабьянова [18] и О. Ольминского [12]. Что касается В. И. Ленина, то его замечания свидетельствовали скорее о различиях между Лениным и Бухариным как мыслителями, чем об оценке самой книги. В высшей степени одобрительно отмечены места об огосударствлении, о роли принуждения и т. п.

«Экономика переходного периода» не представляла собой экономической программы большевиков. Это теоретический труд, причем, как показало время, и как позднее признал сам Бухарин, ошибочный во многих своих положениях. Тем не менее, эта книга — событие, важная веха, этап становления советской экономической науки со всеми его поисками, сложностями, противоречиями, ошибками и просчетами.

В начале 1920 г. — во время перехода к мирному хозяйственному строительству — партийные и государственные хозяйственные органы были еще далеки

от мысли отказаться от «военно-коммунистической» системы и административно-командных методов хозяйствования. Между тем, к этому времени экономическая разруха в России достигла катастрофической степени: нехватка промышленной и сельскохозяйственной продукции грозила перерасти в общенациональный кризис.

Особую тревогу вызывало сельское хозяйство. Кризис в нем обострился во второй половине 1920 г. В это время крайне актуальными становятся поиски ответа на следующие вопросы: как установить стабильные экономические отношения между городом, и как деревней и поднять резко упавшее сельскохозяйственное производство.

Новые общественные условия вскоре привели к жизни новому мышлению: партия начала отходить от экономической политики «военного коммунизма». Нэп в истории партии прежде всего был периодом больших дискуссий, когда выработывался дальнейший курс революции и определялось развитие советского общества. Многие большевики мучительно переосмысливали свои основные представления о революции.

В 1923-1928 гг. на страницах партийной и экономической литературы шла острейшая дискуссия по вопросу об отношении к крестьянству. Возможна ли эволюция крестьянского хозяйства к социализму, или же оно представляет собой непримиримый антипод социалистическому строю? Следует ли дать простор развитию крестьянского хозяйства, использовать возможности, которые открывает для этого революция, и экономическими методами мобилизовать ресурсы для индустриализации страны, или же нужно насильственно перекачивать жизненные силы из крестьянского хозяйства в промышленность, обрекая его на деградацию?

Подлинным прорывом в ответах на эти вопросы стали идеи, высказанные В. И. Лениным в статье «О кооперации». «В нэпе, — писал он, — мы сделали уступку крестьянину, как торговцу, принципу честной торговли: именно из этого вытекает (обратно тому, что думают) гигантское значение кооперации. В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэпа есть все, что нужно, потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, проверки контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше представляла камень преткновения для многих и многих специалистов» [8: 370].

Выдвинутая В. И. Лениным идея — достигнуть через нэп участия в кооперации поголовно всего населения, а затем через это участие совершить переход к социализму — представляла собой настолько неожиданную с точки зрения догматически воспринятой теории социализма оценку сущности нэпа, что рассчитывать на ее правильное понимание было трудно.

В 1924-1925 гг. экономическая стабилизация в мире рассеяла надежды на скорую европейскую революцию, а содержание экономических дискуссий отражало понимание того, что в течение некоторого времени Советская Россия должна быть индустриализована собственными силами

Осенью 1924 г. свою модель развития социалистической экономики представил Е. Преображенский. В основу ее был положен «закон первоначального социалистического накопления». Впервые он был изложен им в статье «Основной закон социалистического накопления» [15: 47-116], а затем во II главе его «Новой экономики» [14]. Центральное место в этих работах занимает вопрос об изыскании источников основного капитала для осуществления социалистической индустриализации.

Преображенский пришел к выводу, что существенным источником капиталовложений может быть только крестьянское хозяйство. Его решение задачи быстрой индустриализации заключалось в предварительной интенсивной перекачке прибавочной стоимости из крестьянского в промышленный, государственный сектор. Отвергая насилие и конфискацию как недопустимые меры, он предлагал, чтобы новый капитал накапливался в результате «неэквивалентного обмена» в рыночных отношениях между двумя секторами, что было бы, по его мнению, более эффективным и менее раздражающим для крестьянства, чем прямое налогообложение. Государственная промышленность должна была, по его мнению, использовать свое уникальное положение, чтобы форсировать политику цен, сознательно рассчитанную на отчуждение определенной части прибавочного продукта частного хозяйства во всех его видах. Он определяет структуру цен «ножницы» как ключевое средство накопления. Преображенский пытался представить закон «первоначального социалистического накопления» как регулятор социалистического сектора в противоположность закону стоимости, регулирующему частный сектор.

Крайнюю реакцию вызвал «закон» Преображенского у Н. Бухарина, который увидел в нем не путь перехода к «первоначальному накоплению», а постоянную систему эксплуатации «на расширенной основе». Суть возражений Бухарина к Преображенскому заключалась в убеждении, что индустриальное развитие зависит от расширения рынка потребления. Вместе с тем Бухарин был согласен с Преображенским в двух важных положениях: во-первых, подобно большинству руководства партии Бухарин считал индустриализацию главной экономической задачей, решение которой необходимо для обеспечения безопасности страны, а также для более надежного обеспечения гарантий пролетарской власти в преимущественно аграрной стране; во-вторых, Бухарин, как и Преображенский, считал, что советская индустриализация должна основываться, главным образом, на внутренних ресурсах. Более того, Бухарин соглашался даже с перекачкой средств из крестьянской экономики в государственный промышленный сектор. Разногласия же касались масштабов и методов этой «перекачки» [13].

Эту полемику значительно обострили аграрные реформы 1925 г., которые расширили возможности нэпа в сельском хозяйстве устранением большинства установленных законом барьеров для крестьянского сельского хозяйства. С защитой реформ выступил Н. И. Бухарин. Его позиция отражала этическое понимание задач социалистического строительства. Цель партии, уверял он, состоит не в «равноправии в бедности», не «в том, что мы понижаем более

зажиточную верхушку, а в том, что мы низы подтягиваем до этого высокого уровня». И далее он добавлял: «Социализм бедняков — это паршивый социализм» [1: 5].

Н. И. Бухарин единственный среди участников дискуссии старался построить общую теорию экономического, политического и социального развития. Однако его взгляды так и не сложились в стройную систему и изложены в основном в статьях и речах как возражение оппонентам.

Продолжением дискуссии ученые-экономисты занялись, так называемых старых школ, которые, в отличие от классиков марксизма, отрицали преобладающую роль промышленности и считали сельское хозяйство не только преобладающей, но и ведущей отраслью экономики России. Наиболее развернутое изложение этих взглядов было дано Л. Шаниным. Пытаясь найти реальные и менее болезненные пути развития экономики, он категорически выступал не только против первоочередного развития промышленности, но и возможности одинаковых темпов роста промышленности и сельского хозяйства. Шанин пытался доказать ошибочность курса на первоначальное развитие тяжелой промышленности. Он исходил из посылки, что различные отрасли имеют определенные пределы своего развития. По его мнению, в наиболее жесткие условия поставлена промышленность; сельское хозяйство, напротив, обладает безграничными возможностями развития. Отсюда следовал вывод, что в России лишь сельское хозяйство имеет все необходимые условия для развития высокими темпами. Первое из них — неограниченное количество рабочей силы, второе — наличие широкого рынка сельскохозяйственных товаров [1: 12-18].

Обосновывая примат сельского хозяйства над промышленностью, другой видный экономист Н. Д. Кондратьев подчеркивал, что прогрессивным и желательным направлением развития сельского хозяйства в условиях тогдашней России будет то, которое подведет сырьевую базу под развитие промышленности, усилит экспортные возможности страны, даст наиболее широкое поле для приложения труда избыточного сельскохозяйственного населения, усилит его налогооблажные силы и гарантирует наибольшую рациональность и устойчивость сельскому хозяйству с организационно-производственной точки зрения [6]. Во всех его работах этого периода в разных вариантах звучит идея, что нельзя строить в одном месте, обескровливая другое.

Значительные преимущества сельскохозяйственного труда над промышленным видел А. В. Чаянов. В этот период он мало принимал участия в научных дискуссиях, больше внимания уделяя делу организации сельского хозяйства, а также научной и педагогической деятельности. Строго в рамках своей теории трудового крестьянского хозяйства Чаянов утверждал, что только сельское хозяйство, в отличие от промышленности, может дать возможность заинтересованного творческого труда. И если освободить крестьянство от административной опеки, то Россия совершит чудо в сельском хозяйстве. Главным тормозом в развитии крестьянского хозяйства он считал необоснованное вмешательство государства [20].

Вопрос о том, как нэповская Россия превратится в Россию социалистическую, волновал теоретическую мысль на всех уровнях. Этот вопрос неизбежно упирался в проблему о возможностях социализма в одной стране и о «характере нашей революции». Отсюда очень важными стали споры о характере и возможностях классов, вовлеченных в революцию.

Официально считалось, что в нэповском обществе имелись три класса: рабочий класс, крестьянство и «новая буржуазия». Городское население не представляло теоретической проблемы и не вызывало серьезных разногласий. Теоретические споры сосредоточились на вопросе расслоения внутри крестьянства и пригодности давней классификации, подразделявшей крестьянство на три группы: бедняков, середняков и кулаков. Все позиции либо отрицали наличие социальной дифференциации крестьянства, либо признавали ее, а если и считались с фактом крестьянского расслоения в условиях советской власти, то по-разному определяли его роль.

Развивая идеи «организационно-производственной» школы, А. Н. Челинцев аргументировал свою позицию, исходя из убеждения о большой выживаемости и живучести крестьянского хозяйства. В условиях победившей социальной революции, считал А. Н. Челинцев, продолжали действовать прежние «факторы»: плотность населения, отсутствие поглощения сельского населения городом и т. п. Все это вместе с политикой протектирования бедняку и середняку «погашает тенденцию к дифференциации». Таким образом, делал вывод А. Н. Челинцев, имелись блестящие перспективы для выживания и утверждения позиций мелкого хозяйства [10: 37-38].

Несколько по-иному к определению сущности проблемы дифференциации подходил А. В. Чаянов. В ходе дифференциации он выделял пять процессов [10: 45-46]. Однако главным среди них он видел семейную дифференциацию, которая, по его мнению, являлась первопричиной дифференциации крестьянских хозяйств по экономической мощности. Размеры землевладения, посевов, количество скота и личный бюджет зависели, развивал он старый тезис, от размеров семьи. Отрицая капиталистическую дифференциацию, он, тем не менее, выделял несколько страт, или уровней, трудового семейного хозяйства, по-разному ориентированных на затраты капиталов и использование техники.

Н. Д. Кондратьев со свойственной ему решительностью и прямолинейностью утверждал, что в условиях перехода к социализму социально-экономические процессы в деревне проходят в тех же формах, что и при капитализме. Говоря о «более слабых группах» крестьянства, Кондратьев отмечал, что они вообще ничего не накапливали, а получали средства от государства и жили на этот счет. В результате политики мероприятий, задерживающих рост сельской буржуазии, тормозился рост накопления в народном хозяйстве. Капитализм, даже не развиваясь, дал бы бедноте и низшим группам больше того, что могло дать советское государство [10: 85].

Таким образом, социальную дифференциацию Н. Д. Кондратьев оценивал как прогрессивный процесс, обеспечивающий развитие производительных сил

деревни. Регулирование его со стороны государства, считал он, приведет к падению уровня сельскохозяйственного производства, дроблению и измельчению крестьянских хозяйств.

Нельзя сказать, чтобы эти научные баталии оказали существенное воздействие на формирование принципов государственной крестьянской политики. Тем не менее, они отражали направление и содержание мощнейшего пласта научной мысли, не связанного с идеологическими устремлениями новой власти, и, имея возможность относительно свободно развиваться, поднимали отечественную науку на такой уровень развития, который до настоящего времени оказывает влияние на мировую экономическую науку. Кроме того, деятельность этих ученых в различных государственных учреждениях не могла не влиять на практику управления, что в определенном смысле ограничивало крайне политизированное и идеологизированное вмешательство новой власти во все сферы экономики, когда верх брали не соображения целесообразности, а необходимость соблюсти чистоту официальной доктрины и стремление удержать власть.

В этом смысле интересна позиция Н. И. Бухарина, который пытался соединить соображения целесообразности и верность идее. Так, в вопросе о классовой дифференциации крестьянства Бухарин проводил различие между «хищным зажиточным трактирщиком, деревенским ростовщиком, кулаком и крепким хозяином, имеющим несколько батраков» [2: 53]. Здесь видно его нежелание наклеивать каждому предприимчивому хозяину ярлык кулака. Он полагал, что сам кулак не представлял серьезной экономической угрозы, ибо «командные высоты» сдерживали и направляли его экономическое развитие. В свою очередь середняцкое крестьянство он видел «как важнейший слой», «основную массу» крестьянства. Средняк стал для Бухарина не только «наиболее важной прослойкой», но и символом крестьянства как класса.

Вопрос о путях будущего развития страны, а в этом контексте и вопрос будущего крестьянства, также активно обсуждался в экономической литературе 20-х г. В данном подходе также следует выделить марксистское и немарксистское направление экономической мысли.

Довольно серьезные позиции занимали ученые, принадлежащие к организационному направлению экономистов-аграрников. А. Н. Челинцев, В. А. Чаянов и Н. П. Макаров, говоря о будущем крестьянского хозяйства, единодушно связывали его с индивидуальным крестьянским хозяйством, постепенно вовлекаемым через кооперацию в новую экономическую систему.

Еще до революции А. В. Чаянов пришел к выводу, что устойчивость и выживаемость крестьянского хозяйства усиливаются кооперацией [19]. В сельском хозяйстве, говорил Чаянов, очень важен момент связи. Эту функцию и выполняла кооперация. Не отчуждая человека от земли, кооперация, идущая снизу вверх, по мнению Чаянова, была бы самой органичной и безболезненной формой организации сельскохозяйственного производства, позволяющей эволюционным путем перейти к социальным улучшениям. В отличие от Ленина, у которого

на первый план выступал социально-политический аспект, А. В. Чаянова, прежде всего, интересовала морфология, внутренняя организация крестьянского хозяйства и его производственные возможности, которые усиливались кооперацией. Эффективность кооперативных форм Чаянов допускал только в отдельных сферах сельского хозяйства — кредите, распределении, сбыте и т. п. Он был убежден, что для самостоятельного крестьянского хозяйства не существовало стимулов вступления на путь колхозного строительства [21].

Если взгляды А. В. Чаянова не противоречили ленинской концепции кооперации, то они стали противоречить той политике в деревне, которая проводилась после XV съезда партии. А. В. Чаянов понимал, что его теории уже выходили из разряда научных дискуссий и трактовались как подрывная анти-советская деятельность.

Под давлением обстоятельств многие из крупных представителей так называемых немарксистских школ в той или иной степени отказывались от своих основных позиций. Некоторые из них делали это в печати (А. Н. Челинцев, А. В. Чаянов), другие ограничивались устными заявлениями об ошибочности своих позиций (Н. П. Макаров). Как справедливо отмечал А. В. Чаянов, «процесс перерастания одной идеологической системы в другую требует много лет постепенной ограниченной работы над всеми деталями концепции и субъективно крайне труден, медленен» [17: 24]. Трудно изменить убеждения, которые складывались десятилетиями. Поэтому за внешней формой признания ошибок осталось прежнее содержание.

К 1929 г. основной идеей А. В. Чаянова стала идея «самоколлективизации». Он считал, что если бы в распоряжении крестьянства были долгосрочные кредиты в миллионы рублей, то оно могло бы самостоятельно, «без всякого руководства со стороны социалистического города» перейти к новым социалистическим формам хозяйства. В таком случае «мы будем иметь техническую революцию, но без социальной катастрофы» [24: 51].

Долгую жизнь индивидуальному крестьянскому хозяйству пророчил и А. Н. Челинцев. Он настаивал на сосуществовании мелких товаропроизводителей, мелкого трудового крестьянского хозяйства и колхозов. Причем он считал нецелесообразным создание льготных условий для развития колхозов, что ставило бы крестьянское хозяйство в неравное положение. Льготные мероприятия экономической политики по отношению к колхозам он допускал «только в начальной стадии, когда центральные и местные политические органы проводили проверку самой идеи коллективизации сельского хозяйства» [24: 50].

Более четко, или даже более резко в отношении к официальному курсу определял свою позицию Н. Д. Кондратьев. Поддерживая чаяновскую теорию кооперативного строительства и устойчивости мелкого крестьянского хозяйства, он считал, что коллективизация — вопрос будущих «600 лет». Проблему выбора во второй половине 1920-х годов он понимал однозначно: Россия — сельскохозяйственная страна, должна идти путем естественной экономической

эволюции, завоевывая выгодные позиции на мировом рынке, а не путем ломки сложившейся экономической структуры в целях ускоренной, форсированной индустриализации за счет и в ущерб сельскому хозяйству [16: 137-139].

Две противоречивые тенденции отчетливо выявились и в ходе этого обсуждения. С одной стороны, следование букве марксизма на создание крупных социалистических хозяйств в деревне, с другой — стремление повернуть партию к сохранению прежнего (нэповского), эволюционного курса к социализму.

В этих условиях были сформулированы взгляды Н. И. Бухарина по вопросу о путях развития сельского хозяйства, которые пытались примирить официальный марксизм и конкретную практику социалистического строительства. На вопрос о том, каким образом крестьянство придет к социализму, Бухарин отвечал: посредством «обычной кооперации — закупочной, сбытовой, кредитной». В то же время он признавал, что «колхоз — это есть могущественная штука». По его мнению, беднота и безземельные крестьяне должны были стихийно тяготеть к коллективному хозяйствованию. Было бы ошибкой искусственно создавать коллективные хозяйства, ибо они могли стать «коммунистическими паразитическими учреждениями», существующими за счет государства, которые могли бы только укрепить убеждение крестьян в том, что «частное хозяйство — вещь хорошая» [23: 33].

Представление о кооперации как средстве перехода к социализму давало Бухарину возможность утверждать, что мелкий собственник постепенно будет «врастать» в социализм. Существенным механизмом в этом процессе «врастания» могла стать банковская и кредитная системы. Он считал, что нити финансовой и кредитной зависимости гарантировали бы экономическую гегемонию государственного сектора, привязывая несоциалистические организации к социалистическому сектору.

Этим идеям не суждено было сбыться, поскольку через год-другой последовала коренная ломка организационных структур, форм и методов управления экономикой.

Как видим, экономические дискуссии 1920-х гг. показали ряд возможных вариантов развития. Однако наиболее предпочтительным оказался путь усиления контроля государства во всех сферах жизни общества, особенно в среде «мелкобуржуазного крестьянства», постоянно создававшего угрозу власти. Этот вариант развития не появился как окончательное и бесповоротное решение. Несмотря на «режим наибольшего благоприятствования» со стороны правящей партии, он долго пробивал себе дорогу в поворотах и отступлениях экономической политики, в спорах и дискуссиях. Но именно здесь, как показало исследование, и наметился тот поворотный рубеж нэпа, когда сложились *необратимые* механизмы административно-командной системы, которая к концу 1920-х годов оформилась в отлаженную систему тоталитаризма.

Проведенный анализ показывает, насколько исследуемые процессы отразили на себе реалии той действительности — острейшее идейно-теоретическое противоборство экономики и политики. Достаточно реалистическое направление русской экономической мысли, опиравшееся на фундаментальный научный

анализ экономических процессов и не связанное с идеологией, оказались несовместимым с конкретной политикой, с утопическим подходом удерживающих политическую власть «марксистов».

Как показало исследование, в изучаемый период рамках каждой дискуссии еще существовала возможность мнений: от откровенно враждебных социализму до ортодоксально марксистских. К концу 1920-х гг. произошло свертывание нэповских принципов, и позиции ученых, не вписавшихся в ортодоксальный марксизм, пришли в противоречие с господствующей идеологией, когда мировоззрение того или иного специалиста (научной или политическое) отождествлялось с предметом его профессиональной деятельности. Весь этот период характеризуется стремлением примирить нэповские принципы с идеологией усиливающейся административно-командной системы. Но компромисс достигнут не был.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большевик. 1925. № 9-10.
2. Бухарин Н. И. К итогам XIV съезда ВКП(б) / Н. И. Бухарин. М., 1926.
3. Бухарин Н. И. Экономика переходного периода / Н. И. Бухарин. М., 1920.
4. Бухарин Н. И. На подступах к Октябрю: статьи и речи мая – декабря 1917 года / Н. И. Бухарин. М.-Л., 1927.
5. Кондратьев Н. Д. Аграрный вопрос о земле и земельных порядках / Н. Д. Кондратьев. М., 1917.
6. Кондратьев Н. Д. Современное состояние народно-хозяйственной конъюнктуры в свете взаимоотношения индустрии и сельского хозяйства / Н. Д. Кондратьев // Социалистическое хозяйство. 1925. № 6.
7. Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888-1939 / С. Коэн. М., 1988.
8. Ленин В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. Т. 45. С. 370.
9. Маневич В. Е. История развития советской экономической мысли в 20-х годах (основы концепции) / В. Е. Маневич // Вопросы экономики. 1989. № 10; Мельникова Т. А. Реализация государственной аграрной программы СССР второй половины 1920-х гг. / Т. А. Мельникова // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 1-2; Ульянова О. А. Быть или не быть нэпу? Экономические дискуссии 1920-х годов / О. А. Ульянова // Экономический журнал. 2010. № 20.
10. На аграрном фронте. 1927. № 7.
11. Носова Н. П. Управлять или командовать? Государство и крестьянство Советской России (1917-1929) / Н. П. Носова. М.: Изд-во Московского университета. 1993.
12. Ольминский М. С. О книге тов. Н. Бухарина / М. С. Ольминский // Красная новь. 1921. № 1.
13. Правда. 1926. 7 июля.
14. Преображенский Е. Новая экономика. Опыт теоретического анализа советского хозяйства. Изд. 2-е / Е. Преображенский. Т. 1. Часть 1. М., 1926.

15. Преображенский Е. Основной закон социалистического накопления / Е. Преображенский // Вестник Коммунистической Академии. 1924. № 8.
16. Пути сельского хозяйства. 1927. № 5.
17. Пути сельского хозяйства. 1929. № 2.
18. Сарабьянов В. «Экономика переходного периода» тов. Бухарина (Критические заметки) / В. Сарабьянов // Народное хозяйство. 1920. № 13-14.
19. Чаянов А. В. Краткий курс кооперации / А. В. Чаянов. М., 1915.
20. Чаянов А. В. Организация крестьянского хозяйства / А. В. Чаянов. М., 1925.
21. Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации / А. В. Чаянов. М., 1919.
22. Чаянов А. В. Природа крестьянского хозяйства и земледельческий режим / А. В. Чаянов. Доклад на 3 Всероссийском съезде «Лиги аграрных реформ». 1918.
23. Чаянов А. В. Три речи (к вопросу о наших разногласиях) / А. В. Чаянов. М.-Л., 1926.
24. Экономическое обозрение. 1929. № 9.
25. Lewin M. Political Undercurrents in Soviet Economic Debates: From Bukharin to the Modern Reformers / M. Lewin. Prenceten, 1974; Shanin T. The Awkward Class. Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910-1925 / T. Shanin. Oxford: Oxford University Press, 1972. 253 pp.; Шанин Т. Социально-экономическая мобильность и история сельской России 1905-1930 гг. / Т. Шанин // Социологические исследования. 2002. № 1.

Natalia P. NOSOVA¹

**THE STATE AND PEASANTRY OF SOVIET RUSSIA.
SEARCH FOR THE MODEL OF INTERACTION
(ANALYSIS OF DISCUSSIONS FROM THE 1920s)**

¹ Dr. Sci. (Hist.), Professor,
Department of State and Municipal Administration,
Tyumen State University
nosova-np@mail.ru

Abstract

The material which is analyzed in the article allows to show that after the Bolsheviks captured the state power, the formation of the state agriculture management principles took place in a complex environment of intense destruction of the old economic system and the creation of the economic mechanism, which matched the political model of the new system. Gradually, on the basis of the principles founded in the practical realization of the idea of creating a new economy, policies evolved that are often in conflict with the real economy. This search has been difficult and painful.

The article analyzes a wide range of theoretical discussions of the 1920s: the role of the market and commodity-money relations in the socialist economy, the evolution of the peasant economy, the accumulation of sources, economic growth, etc. It is shown that, within each discussion there were opinions ranging from openly hostile to the regime, to the Bolshevik orthodoxy. By the end of the reporting period, the position of scientists who did not fit the orthodox Marxism, came into conflict with the dominant ideology, when the world (scientific, political) of a specialist was identified with the subject of their professional activity.

The economic debate of the 1920s showed a number of possible options for development. However, the most preferred way turned out to be gaining control of the state in all spheres of society, especially among the “petty-bourgeois peasantry”, which constantly created a threat to the authorities. This option did not appear as the final and irrevocable decision. Despite the “regime of the most-favored” followed by the ruling party, it has long pursued its way in the turns and retreats of the economic policies in debates and discussions. Yet right there,

---

Citation: Nosova N. P. 2016. “The State and Peasantry of Soviet Russia. Search for the Model of Interaction (Analysis of Discussions from the 1920s)”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 2, no 3, pp. 165-181.
DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-3-165-181

---

as the study has found, the turning line of NEP was defined, when irreversible mechanisms of administrative-command system came into being, which by the end of 1920 was issued in the streamlined system of totalitarianism.

Keywords

State regulation, agricultural economics, evolution of peasant economy, new economic policy, theoretical discussions, Russian economic thought, administrative-command system.

DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-3-165-181

REFERENCES

1. Bolshevik. 1925. No 9-10.
2. Bukharin N. I. 1920. *Ekonomika perekhodnogo perioda* [Economy in Transition]. Moscow.
3. Bukharin N. I. 1926. *K itogam XIV syezda VKP(b)* [By the End of the XIV Congress of the CPSU (B)]. Moscow.
4. Bukharin N. I. 1927. *Na podstupakh k Oktyabryu: statyi i rechi maya — dekabrya 1917 goda* [On the Way to the October Revolution: the Articles and Speeches of May — December 1917]. Moscow, Leningrad.
5. Chayanov A. V. 1915. *Kratkiy kurs kooperatsii* [A Short Course of Cooperation]. Moscow.
6. Chayanov A. V. 1918. “*Priroda krestyanskogo khozyaystva i zemledelcheskiy rezhim*” [The Nature of Peasant Farming and the Agricultural Mode]. Paper presented at the 3rd Russian Congress “*Ligi agrarnykh reform*”.
7. Chayanov A. V. 1919. *Osnovnye idei i formy organizatsii krestyanskoy kooperatsii* [The Main Ideas and Forms of Organization of Peasant Cooperatives]. Moscow.
8. Chayanov A. V. 1925. *Organizatsiya krestyanskogo khozyaystva* [The Organization of Peasant Farming]. Moscow.
9. Chayanov A. V. 1926. *Tri rechi (k voprosu o nashikh raznoglasiyakh)* [Three Speeches (to the Question of Our Differences)]. Moscow, Leningrad.
10. Cohen S. F. 1988. *Bukharin. Politicheskaya biografiya. 1888-1939* [Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography. 1888-1938]. Moscow.
11. *Ekonomicheskoe obozrenie*. 1929. No 9.
12. Kondratyev N. D. 1917. *Agrarnyy vopros o zemle i zemelnykh poryadkakh* [Agricultural Land Question and Land Orders]. Moscow.
13. Kondratyev N. D. 1925. “*Sovremennoe sostoyanie narodno-khozyaystvennoy konyunktury v svete vzaimootnosheniya industrii i selskogo khozyaystva*” [The Current Status of the National Economic Conditions in the Light of the Relationship between Industry and Agriculture]. *Sotsialisticheskoe khozyaystvo*, no 6.
14. Lenin V. I. 1958. *Polnoye sobranie sochineniy* [Complete Collected Works], vol. 45, p. 370.
15. Lewin M. 1974. *Political Undercurrents in Soviet Economic Debates: From Bukharin to the Modern Reformers*. Prenceten; Shanin T. 1972. *The Awkward Class. Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910-1925*. Oxford: Oxford University Press; Shanin T. 2002. “*Sotsialno-ekonomicheskaya mobilnost i istoriya*

- selskoy Rossii 1905-1930 gg.” [Socio-Economic Mobility and the History of Rural Russia In 1905-1930]. Sociological Studies, 1.
16. Manevich V. Ye. 1989. “Istoriya razvitiya sovetskoy ekonomicheskoy mysli v 20-kh godakh (osnovy kontseptsii)” [The History of the Soviet Economic Thought in the 1920s (The Basic Concepts)]. Voprosy ekonomiki, no 10; Melnikova T. A. 2011. “Realizatsiya gosudarstvennoy agrarnoy programmy SSSR vtoroy poloviny 1920-kh gg.” [The Implementation of the USSR State Agrarian Programs in the Second Half of the 1920s]. Historical and social-Educational Ideas, no 1-2; Ulyanova O. A. 2010. “Byt ili ne byt nepu? Ekonomicheskie diskussii 1920-kh godov” [NEP — To Be, or Not to Be? The Economic Discussions of the 1920s]. Economic Journal, no 20.
  17. Na agrarnom fronte. 1927. No 7.
  18. Nosova N. P. 1993. Upravlyat ili komandovat? Gosudarstvo i krestyanstvo Sovetskoy Rossii (1917-1929) [Manage or Lead? The State and Peasants of Soviet Russia (1917-1929)]. Moscow: Moscow State University.
  19. Olminskiy M. S. 1921. “O knige tov. N. Bukharina” [About the Book by N. Bukharin]. Krasnaya nov, no 1.
  20. Pravda. 1926. July 7.
  21. Preobrazhenskiy Ye. 1924. “Osnovnoy zakon sotsialisticheskogo nakopleniya” [The Fundamental Law of Socialist Accumulation]. Vestnik Kommunisticheskoy Akademii, no 8.
  22. Preobrazhenskiy Ye. 1926. Novaya ekonomika. Opyt teoreticheskogo analiza sovetskogo khozyaystva [The New Economy. The Experience of the Theoretical Analysis of the Soviet Economy]. 2nd edition, vol. 1, part 1. Moscow.
  23. Puti selskogo khozyaystva. 1927. No 5.
  24. Puti selskogo khozyaystva. 1929. No 2.
  25. Sarabyanov V. 1920. ““Ekonomika perekhodnogo perioda’ tov. Bukharina (Kriticheskie zametki)” [The “Economy in Transition” by N. Bukharin (Critical Notes)]. Narodnoe khozyaystvo, no 13-14.